

от истории политического смысла. Но и его взгляд, как взгляд философа, придерживающегося исключительно понятием Локковых, не мог быть верен. Он требовал от истории цели "практической", как Цицерон, — *magistra vitae*. Он считал ее столь же необходимой для человека, как опытность в жизни. Рассуждения Болингброка об истории принесли свой плод: ревностно принялись за ее изучение, и было много попыток преобразовать эту науку.

Ученые XVIII века, справедливо прозванного великодушным и легкомысленным, с гордостью взглянули на расстояние, отделяющее их от средних веков; они⁷ увидели, что они стоят на высшей степени образованности, чем их предшественники, а между тем в истории и помина нет о прогрессе⁸. А где же искать объяснение всякого современного совершенства и недостатка, как не в историческом развитии? Между тем были другие побудительные причины, заставившие ученых искать в истории чего-то более, чем внешних готовых факторов, именно: вследствие географических открытий пришли в знакомство с дикарями Америки и Африки, не должна ли была одна противоположность между дикарем и европейцем XVIII столетия повести на мысль о прогрессе?

Первая замечательная попытка о преобразовании истории была совершена во Франции — это книга Вольтерова «*Essai sur les mœurs*»¹¹. Несмотря на поверхностное изложение фактов, пристрастие автора, эта книга имела огромный успех. Всех поразило остроумие, с которым обсуживались факты, оригинальность и новизна мыслей, смелость, с которой автор говорил о предметах, почитавшихся дотоле святыми и неприкосновенными. Эта попытка, несмотря на ее первоклассные недостатки, должна занять почетное место в литературе истории.

Другое современное произведение историческое «*L'esprit des lois*»¹² имело не менее успеха. Эта книга Montesquieu отличается особенной строгостью изложения, она вся проникнута одной мыслью, хотя не всегда доказанной, именно: ее цель состоит в том, чтобы проследить характер народов в их политических преобразованиях и представить нормальное развитие политических форм.

Итак, идея цивилизации вступила в область истории. Но успех, который можно было ожидать от этого нового направления, был замедлен влиянием философии XVIII века. История, как мы говорили, всегда была под влиянием (сознательной или бессознательной опеки) философии, даже сухие историки, протестовавшие против этого пга, несознательно придерживались какой-нибудь философии. Но если прислушаться ко всем этим жалобам на науку рациональную, то легко увидеть, что они относятся не к философии вообще, а всегда к философии новой; историк, держась еще учения отживаю-

⁷⁻⁸ Там же: политического смысла (л. 5 об.).

⁹⁻¹¹ С. I: Они хотели, чтобы им объяснили, как они дошли до той высоты, от которой у них иногда кружилась голова (л. 5 об.).